

Б. В. ВИНОГРАДОВ,
Н. Н. КАРПУХИН

ХАРАКТЕР И ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКО-ГОРСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В КОНТЕКСТЕ АНАЛИЗА СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

В статье анализируются специфические черты российско-горского взаимодействия в связи с существующими историографическими тенденциями его освещения и значимыми социокультурными реалиями региона, оказывающими влияние на современное историческое бытие российского Северного Кавказа.

Ключевые слова: горский традиционный уклад, стадийный уровень развития, модернизация

Характер и особенности российско-горского взаимодействия в широком хронологическом диапазоне по-прежнему весьма дискуссионны как в современном научном кавказоведении, так и в той исторической (или, к сожалению, «околоисторической») публицистике, которая, представляется, в большей степени формирует стереотипы массового общественного сознания, чем сугубо научные труды. Последние, кстати, тоже не избавлены от разнообразных «штампов» и упрощенных трактовок «советского происхождения» или связанных со свершившимся развалом СССР и процессом «сегментирования» ценностных установок горских народов в плоскость имевшей место попытки отказа от российской идентичности [1]. Сложение за последние почти четверть века идеологием «национальной историографии» в исследовании проблематики российско-северокавказских взаимоотношений, на наш взгляд, препятствует ее объективному анализу [2].

Многовековые российско-горские взаимоотношения необходимо исследовать в неразрывной взаимосвязи внешнеполитических и внутрорегиональных факторов и обстоятельств, которые и определяли специфичность, неоднородность и неоднозначность данного процесса. Здесь надо заметить, что советская историографическая традиция, основанная в преобладающей степени на упрощенном следовании соответствующим оценкам российских революционеров-демократов и классиков марксизма-ленинизма, во многом сводила характерные и долговременные особенности российско-горского взаимодействия к таким недостаточно обоснованным и аргументированным факторам, как «колониальная политика царизма» и направленное против нее «национально-освободительное движение горцев». Подобные смысловые определения механически заимствовались из анализа взаимоотношений европейских метрополий с их «заморскими» колониями, при этом никак не учитывалось то, что государства имперского типа могут быть как колониальными, так и континентальными, и именно к последним относилась Российская Империя. Колониальная сущность деятельности России на Кавказе (как, впрочем, и на других «национальных окраинах»)

фактически не доказывалась и не нуждалась в доказательствах, ибо догматизировалась на уровне «Краткого курса истории ВКП(б)». Изначально просматривалась значительная идеологизированность и политизированность данных построений, так как наблюдалось односложное противопоставление «царской России – тюрьмы народов» и практики советской власти в национальном вопросе [3]. Все это органически вписывалось в историографическую концепцию, по которой присоединение к России нерусских народов объявлялось «абсолютным злом».

Вместе с тем, конкретный опыт социалистического строительства на Северном Кавказе практически сразу обозначил те проблемы, которые, с точки зрения исторической объективности, невозможно объяснить «происками кулацко-мульского элемента» в регионе. Фактически советская власть на протяжении 20 – начала 40-х годов XX века столкнулась с проявлениями неприятия в среде горских народов, с той вооруженной борьбой, примеры которой можно аттестовать в качестве уголовного или политического бандитизма. Заметим сразу, что данное неприятие не охватывало горские народы целиком, и у советской власти было много искренних и убежденных сторонников в местной этнической среде, что не могло не обусловить заметные успехи в социалистическом строительстве, в поступательном развитии культуры самих горцев. Тем не менее, следует отметить, что «коммунистическая власть» столкнулась во многом с теми же долговременными проблемами, которые с большей или меньшей степенью успеха пыталась решать «царская» власть, столь ею нелюбимая и критикуемая. Криминально-политическая нестабильность в «национальных» территориальных образованиях Северного Кавказа, войсковые операции по разоружению горского населения (особенно в Чечне), не приносившие решающего успеха борьба с «бандформированиями», стали привычными явлениями в регионе [4]. В последнее время стало модным обвинять именно и только советскую власть и конкретные мероприятия социалистического строительства в эскалации напряженности в регионе, а представителей «бандподполья» уважительно величать

повстанцами, чему есть многочисленные историографические и публицистические примеры. Здесь просматривается последовательная и устойчивая тенденция, столь характерная для «национальной историографии»: не замечать конфликтный потенциал «своих» народов в их взаимоотношениях с российской властью – «царской», советской или современной. Опять-таки, этому есть более чем многочисленные примеры, как историографические, так и публицистические. Представляется, что эта тенденция объективно немало способствовала и продолжает способствовать региональному этносепаратизму и религиозному экстремизму, поскольку «российская идентичность» здесь преподносится в качестве тупиковой и «не престижной» социокультурной системы, российское государство – в качестве «репрессивной машины» подавления «свободолюбивых горских народов». Отметим справедливости ради, что в последние два с лишним десятилетия и в масштабах всей нашей страны наблюдалась конъюнктурная, политизированная тенденция к попытке позитивного представления практически любой антисоветской деятельности, вплоть до откровенного предательства в годы Великой Отечественной войны.

Не следует представлять Северный Кавказ зоной постоянной российско-горской конфликтности, в том числе – со смещением акцента в плоскость какой-то «исторической виновности» горцев и незыблемой правоты российского государства (равно как и наоборот). Тем более что складывание и современное бытие российского Северного Кавказа насыщено многочисленными позитивными примерами российско-горского взаимодействия, и эти примеры нуждаются в дополнительном всестороннем исследовании в противовес опасной «конфликтной доминанте», деформирующей массовое общественное сознание как горских, так и русского народов. Тем не менее, и происходившие, и имеющие место конфликты, их причины должны подвергаться объективному научному анализу, без этнических или иных пристрастий.

В данном контексте чрезвычайно важно исследование социокультурных характеристик северокавказского региона, значимых для имевших место возможностей и нынешних перспектив пребывания горских народов в составе российского государства. К таким характеристикам должно отнести и специфику социально-экономического развития горских этносоциальных сообществ в течение долговременного процесса их интегрирования в российскую государственно-правовую и культурную систему.

В современном кавказоведении есть многочисленные попытки искусственно сблизить уровень стадияльного развития субъектов российско-горского взаимодействия. В их рамках позднесредневековые горские сообщества преподносятся как стоявшие на уровне сложившихся феодальных

отношений, феодальной раздробленности, государственных структур [5]. Между тем, ни существовавшие у горцев социокультурные реалии, ни сравнения их с западноевропейским и российским феодальным обществом не дают оснований именовать раннефеодальную или даже по преимуществу патриархально-родовую горскую действительность «сложившимся феодализмом», «феодальной раздробленностью», «сословно-представительными монархиями» и т. п. [6]. Можно, конечно, признать (и это осознавалось некоторыми исследователями еще в советском кавказоведении), что «горский феодализм» был во многом асимметричен «европейской классике», что сама эта «классика» на поверку оказалась весьма неоднозначна [7]. Однако механическое заимствование европейского терминологического аппарата для обозначения более чем своеобразных горских стадияльных состояний не способствует объективному анализу последних, равно как и опыта российско-горского взаимодействия. В случае подобного подхода из поля зрения выпадают такие знаковые черты горского традиционного уклада как приоритет маскулинных ценностей, набеговая экспансия, работорговля, его известная замкнутость и самодостаточность [8]. И это, и имевшие место в конце XVIII – середине XIX века горские, антироссийские и антихристианские по сути своей «трансформационные проекты», такие как шариатское движение в Кабарде, движение шейха Мансура и мюридизм, за нежеланием иных объяснений, в таком случае трактуются в качестве той самой антиколониальной национально-освободительной борьбы горцев против российской экспансии. Здесь надо заметить, что в советской историографии наличествовали внешне схожие интерпретации, но они основывались на классовом подходе (пусть и упрощенном), теперь же, в отсутствие необходимости пиететного отношения к советской власти и ее модернизационному проекту, центр тяжести сместился в плоскость правоты по этническому принципу. Это, нелишне будет заметить, характерно для постулатов «альтернативной истории» – довольно безрадостного феномена XX века.

Не следует забывать о том, что горский традиционализм – явление вполне современное, так как в конечном итоге и российская, и советская модернизация лишь частично и временно поколебали устои ценностей традиционного догосударственного уклада. Данный фактор, осложненный проектом ваххабитской «модернизации» местного традиционного ислама создает значительные проблемы современному бытию российского Северного Кавказа, обостряет ситуацию в межэтническом взаимодействии во многих регионах России, где поселяются сплоченные, демонстрирующие собственный стандарт поведения горские диаспоры. Здесь следует заметить, что современной России просто необходимо избежать двусмысленного опыта западноевропейского мультикультурализма,

который на деле стал означать этноконфессиональное сегментирование населения ряда стран Европы, с соответствующими (порой радикальными) проявлениями нетерпимости. У России для этого есть многовековой исторический опыт – российская государственность практически исходно формировалась в качестве полиэтничной системы, весьма отличной от долговременных западно-европейских стандартов, замешанных, начиная с эпохи Нового времени, на колониальной практике.

При оценивании социокультурных характеристик современных горских народов надо учитывать и то, что русский народ на протяжении многих веков находился в рамках жесткой государственной структуры, жернова которой перемалывали в том числе и то «вольнолюбие», которое столь характерно для горцев (в том числе и современных), которые подобного собственного опыта практически не имели (за исключением, пожалуй, относительно недолговременного и не выдержавшего «русской конкуренции» мюридистского «модернизационного проекта») и преобразовывать свои традиционные ценности в связи с интеграцией в российское государство зачастую не желали или были не в состоянии. Данная констатация обуславливает такие недавние и современные рецидивы горского традиционализма, как возрождение работорговли, набеговой практики и кровной мести в Чечне во время дудаевского и масхадовского сепаратистского правления, усиление значения клановости в жизни горских народов. И если с первыми тремя проявлениями, хочется верить, покончено, то с последним делом обстоит намного сложнее, ведь эта клановость фактически успешно вращалась и в советскую действительность, будучи при этом очень далекой от тогдашних официальных идеалов. К сожалению, нередко случается, что такие внешне привлекательные традиции, как этническая и родственная сплоченность, закон гостеприимства оборачиваются в конкретных обстоятельствах разнообразными примерами несоблюдения государственного порядка и законности.

Практически любой историк знает, что такое неравномерность исторического развития. И его, если он русский по национальности, не должно будоражить то, что в Египте или в Двуречье государства возникли почти на пять тысячелетий раньше, чем у восточных славян. Иначе могут последовать анекдотические «поиски и находки» вполне в духе «альтернативной истории». Между тем, подобные «находки» есть, и в среде современных горских народов они пользуются определенной востребованностью в условиях той «этнической мобилизации», для которой необходима именно однозначно героическая, насыщенная незыблемой правотой по этническому признаку, мифологизированная история. Это тоже является одной из отличительных черт современной региональной социокультурной действительности и объективно не способствует стабильности на Северном Кавказе.

Современная культура Северного Кавказа исторически сложилась в результате полилога кавказской горской, исламской и русской (российской) цивилизаций и культур, модернизационных процессов XX века [9]. К сожалению, можно признать, что в последнее время обозначилась тенденция ее сегментации по этно-конфессиональному признаку. Для преодоления данной опасной для российского многонационального государства тенденции необходимы значительные и, желательно, согласованные усилия представителей всех народов Северного Кавказа, в том числе – в плоскости исследования региональных социокультурных характеристик, чрезвычайно значимых для анализа российско-горского взаимодействия в общем контексте закономерностей и особенностей исторического развития нашей страны.

Литература и примечания

1. Черноус В. В. Социально-политический процесс на Юге России: от вспышки ксенофобии к регенерации этнокультурного взаимодействия и осознанного единого гражданства // Южнороссийское обозрение Центра системных исследований и прогнозирования ИППК при РГУ. Вып. 6. Ростов н/Д, 2002. С. 3–5.

2. Виноградов Б. В., Виноградов В. Б., Клычников Ю. Ю. Российская власть и горский традиционный уклад: очерки взаимодействия в конце XVIII – начале XXI века. Славянск-на-Кубани, 2012. С. 5–6.

3. Матвеев В. А. Российская универсалистская трансформация и сепаратизм на Северном Кавказе (вторая половина XIX в. – 1917 г.). Ростов н/Д, 2011. С. 70–100, 130–196.

4. Клычников Ю. Ю., Линец С. И. Северокавказский узел: особенности конфликтного потенциала (Исторические очерки) / под ред. В. Б. Виноградова. Пятигорск, 2006. С. 92–133, 144–182.

5. Ахмадов Ш. Б. Чечня и Ингушетия в XVIII – начале XIX века (Очерки социально-экономического и общественно-политического устройства Чечни и Ингушетии в XVIII – начале XIX века). Элиста, 2002; Бгажноков Б. Х. Черкесия и Русь. Истоки и специфика военно-политического союза // Антропология конфликта и мира в культуре народов Кавказа (Юга России). Краснодар, 2012. С. 11–17; История многовекового содружества. К 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии с Россией. Нальчик, 2007; Кажаров В. Х. Традиционные общественные институты Кабарды и их кризис в XVIII – первой половине XIX века. Нальчик, 1994; Панеш А. Д. Общественно-политическое развитие западных адыгов в 30–40-х гг. XIX в. // Информационно-аналитический вестник. Вып. 5. Майкоп, 2002. С. 140–147; Чирг А. Ю. Развитие общественно-политического строя адыгов Северо-Западного Кавказа (конец XVIII – 60-е гг. XIX в.). Майкоп, 2002.

6. См. об этом подробно: *Виноградов Б. В.* К проблеме стадияльного уровня развития и наличия государства у позднесредневековых адыгов в современных исследованиях // Вестник Московского государственного открытого университета. 2012. № 3 (49). С. 29–37; *Виноградов Б. В., Клочков О. Б.* К проблеме историографических оценок стадияльного развития горских сообществ XVI – середины XIX в. в контексте современных вызовов безопасности российского Северного Кавказа // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 1 (11). С. 26–30; *Виноградов Б. В., Клочков О. Б., Федорин В. Е.* Основные тенденции и направления развития «национальной

историографии» в контексте исследования проблем российско-горского взаимодействия и анализа современной этнополитической ситуации на Северном Кавказе // Научная мысль Кавказа. 2012. № 1. С. 73–79.

7. *Гутнов Ф. Х.* Горский феодализм. Ч.1. Владикавказ: Ир, 2007. С. 8–23.

8. *Блиев М. М.* Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации. М., 2004; *Карпов Ю. Ю.* Джигит и волк. Мужские союзы в социокультурной традиции народов Кавказа. СПб., 1996.

9. *Черноус В. В.* Социально-политический процесс на Юге России ... С. 3.

V. V. VINOGRADOV, N. N. KARPUHIN. CHARACTER AND PECULIARITIES OF RUSSIAN-CAUCASIAN COOPERATION IN THE CONTEXT OF ANALYSIS OF SOCIO-CULTURAL PECULIARITIES OF THE NORTH CAUCASUS

Article analyzes the specific features of Russian-Caucasian interaction in connection with existing historiographic tendencies of its lighting and significant socio-cultural realities of the region, affecting modern historical existence of the Russian North Caucasus.

Key words: *highland traditional being, stadial level of developing, modernization.*

